

Груздев Григорий Владимирович,
специалист дирекции по подбору персонала
ОАО «Аэропорт Внуково»,
член общественного совета
при Минэкономразвития РФ,
аспирант сектора философии права, истории
и теории государства и права,
Институт государства и права РАН,
119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Gruzdev, Grigory V.,
Specialist in the Personnel Selection Directorate
of Vnukovo Airport, Member of the Public
Council under the Ministry of Economic
Development of the Russian Federation,
PhD Student in the Field of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law, Institute
of State and Law of the Russian Academy
of Sciences, 10 Znamenka Str., Moscow,
119019, Russian Federation

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА И ВАРИАНТЫ ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

THE PROBLEM OF SOURCES OF LAW AND ITS CONCEPTUALIZATION OPTIONS IN ANGLO-AMERICAN LEGAL THOUGHT

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблематика источников права как ключевая для юридической теории и практики. Анализируются различные подходы к пониманию источников права в мировой правовой мысли, начиная от традиционных концепций до современных интерпретаций. Особое внимание уделяется двум значимым теоретикам – К. Ллевеллину и Дж. Рау, чьи концепции представляют разные, но взаимодополняющие подходы к проблеме. Ллевеллин, как представитель американского правового реализма, акцентирует роль судебной практики и социального контекста в формировании права. Его исследования, включая работу о правовой системе племени шайеннов, демонстрируют, что источники права не сводятся к формальным текстам, а включают обычаи, практики и социальные ожидания. В отличие от традиционных подходов, Ллевеллин рассматривает право как динамичный процесс, где нормы формируются через разрешение конкретных конфликтов. Дж. Раз, в рамках эксклюзивного юридического позитивизма, развивает теорию источников права, основанную на строгом разделении права и морали. Его «тезис об источниках» утверждает, что право идентифицируется через социальные факты, а не моральные аргументы. Раз выделяет три взаимосвязанных тезиса (зависимости, нормального обоснования и вытеснения),

ABSTRACT. The article examines the problem of sources of law as a key issue for legal theory and practice. The article analyzes various approaches to understanding the sources of law in the world legal thought, ranging from traditional concepts to modern interpretations. Special attention is paid to two important theorists, K. Llewellyn and J. Raz whose concepts represent different but complementary approaches to the problem. Llewellyn, as a representative of American legal realism, emphasizes the role of judicial practice and social context in shaping law. His research, including work on the Cheyenne tribal legal system, demonstrates that the sources of law are not limited to formal texts, but include customs, practices, and social expectations. Unlike traditional approaches, Llewellyn considers law as a dynamic process where norms are formed through the resolution of specific conflicts. J. Raz, within the framework of exclusive legal positivism, develops a theory of sources of law based on a strict separation of law and morality. His «thesis on sources» asserts that law is identified through social facts, not moral arguments. Raz identifies three interrelated theses (dependence, normal justification, and repression) that reveal the nature of power and its role in shaping legal norms. Unlike Llewellyn, Raz focuses on formal criteria of legality, emphasizing the authoritative nature of legal directives. The influence of the Raza concept on modern debates about the

которые раскрывают природу власти и её роль в формировании правовых норм. В отличие от Ллевеллина, Раз делает акцент на формальных критериях легальности, подчеркивая авторитетный характер правовых директив. Анализируется влияние концепции Раза на современные дискуссии о природе права, включая вопросы легитимности и нормативной трансформации. В заключении подчеркивается, что, несмотря на различия, подходы Ллевеллина и Раза взаимодополняют друг друга: реалистическое описание правоприменительной практики (Ллевеллин) находит теоретическое обоснование в концепции источников права (Раз). Статья демонстрирует, что проблема источников права остается центральной для понимания его природы и функционирования в современном обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: источники права, Джозеф Раз, Карл Ллевеллин, правовой позитивизм, правовой реализм, права как властное веление, нормативное обоснование, социальные факты в праве, право и мораль, судебное усмотрение

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Груздев, Г. В. Проблематика источников права и варианты ее концептуализации в англо-американской юридической мысли / Г. В. Груздев. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 113–121. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-14

Проблематика источников права в целом в мировой литературе не имеет однозначных решений. Она является сквозной как для истории юридической мысли, так и для практики разрешения споров, правосудия. Сегодня в различных вариантах интерпретации проблематики источников права делается упор на самые разные феномены: нормативные акты, тексты, типы суждений, характер аргументации, природу власти, стили толкования и т. д. В зависимости от базовой концепции формируется система представлений о праве и его источниках. Причем для многих современных концепций именно источники права служат наиболее существенной характеристикой, через обращение к которой выясняется смысл права вообще и его роль в современном обществе.

Итальянский правовед Р. Гастини, анализируя современную теорию источников права, пишет: «Первый вопрос заключается в том, следует ли рассматривать источники как акты или тексты. Альтернативы связаны с двумя конкурирующими теориями юридической интерпретации (а именно, когнитивной теорией и скептической теорией), которые предполагают

nature of law, including issues of legitimacy and normative transformation, is analyzed. In conclusion, it is emphasized that, despite the differences, the approaches of Llewellyn and Raz complement each other: a realistic description of law enforcement practice (Llewellyn) finds theoretical justification in the concept of sources of law (Raz). The article demonstrates that the problem of the sources of law remains central to understanding its nature and functioning in modern society.

KEYWORDS: sources of law, Joseph Raz, Carl Llewellyn, legal positivism, legal realism, law as a dictate of authority, normative justification, social facts in law, law and morality, judicial discretion

FOR CITATION:

*Gruzdev, G. V. (2025) The Problem of Sources of Law and Its Conceptualization Options in Anglo-American Legal Thought. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(3): 113–121 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-14*

различные концепции правовых норм и законотворчества. Следует ли отдавать предпочтение “формальному” или “материальному” критерию признания источников» [7, p. 365].

Источники права зависят непосредственно от представлений о нем, от характера и типа правопонимания. Поэтому в древности источники права носили прежде всего мифологический или теологический характер, определяя содержание конкретных форм регулирования взаимоотношений людей и их коллективов. По мере развития теоретических знаний о праве представления о его источниках приобретали более рациональный, доктринальный и догматический характер. Однако проблематика источников права оказывается настолько глубокой и значимой, разнообразной по содержанию и интерпретации ее существенных характеристик, что преимущественно именно на ее основе возникли представления о различных видах и типах национальных правовых традиций, систем, семей [3].

В современном мире существует множество разнообразных традиций формирования представлений о том, что в конкретном обществе и

народе следует считать справедливым, соответствующим его национальным и социальным интересам, что оказывается целесообразным для целей государственного строительства и управления, формирования эффективного правосудия. Ещё Ш. Монтескье писал о том, что разнообразие законов в мире обусловлено не только разнообразием фантазии законодателей, но прочно связано с природными, нравственными, религиозными и другими социальными факторами [5]. Он, в частности, писал: «Законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. ... Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам ее почвы, ее положению, ее величине, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они должны состоять в известном отношении друг к другу, к условиям своего происхождения, к целям законодателя и к порядку вещей, на котором они утверждаются» [5, с. 11].

Очень важным моментом для понимания природы, характера, содержания и назначения источников права в конкретных правовых традициях является изучение логики смыслополагания в праве, ее историографических основ [2]. Для понимания природы источников права в китайской традиции необходимо обратиться к изучению и анализу всего комплекса факторов и условий, из которых складывается китайская национальная правовая традиция. Изучение источников права в России должно непременно опираться на фундаментальное развертывание всей совокупности условий культурно-цивилизационного становления России и ее правовых идеалов. Аналогичным образом формируется предметный профиль изучения источников права в западноевропейской традиции, в англо-саксонской, или англо-американской.

В истории английской, а затем и возникшей на ее основе американской мысли существенное большее в сравнении с традицион-

ной континентальной юриспруденцией имели подходы, ориентированные на реальный опыт, социальные факты, одним словом – эмпирические ориентации. Рационализм в разных видах также присутствовал в англо-американской традиции. Однако он никогда не достигал тех масштабов абстрактного идеалистического мышления, которые были характерны для философов права и правоведов с континента. Поэтому американский правовой реализм оказался наиболее отзывчивым к нуждам и традициям американского общества, ориентируя правоведение на то, чтобы изучать право исключительно в жизни, в реальном опыте. Антирационалистический и антитеоретический настрой английского правоведения тоже известен веками. Ещё Ф. Бэкон прославился в своих социально-политических размышлениях принципиальной установкой на использование наблюдения вместо аристотелевского силлогизма, а также вытекающей из этого идеей о необходимости демифологизации общественного сознания англичан, борьбой с так называемыми идолами. И в конце XX в. тенденции в английском и американском правоведении сохраняются всё те же, а именно систематически проявляющаяся направленность на демифологизацию права, возврат его к социальным основам, фактам, отказ от абстрактных обобщений, догматических конструкций и принципов. То, что касается вопросов о связи права с моралью, ценностями, то и эта проблематика носит в англо-американской юридической литературе специфический характер.

Известный американский юрист К. Левеллин, один из ключевых представителей американского правового реализма, уделял значительное внимание проблемам источников права, критикуя формалистские подходы и подчеркивая роль судебного усмотрения, социального контекста и «реального» функционирования права в общественной жизни. В связи с этим Левеллин отвергал традиционный взгляд на право как на систему четких правил, которые можно механически применять. Он утверждал, что судьи не просто «находят» право, а активно его создают, интерпретируя нормы в зависимости от контекста.

В работе «Ежевичный куст: о нашем праве и его изучении» он писал: «Право – не столько тексты законов, сколько реальные решения су-

дов» [8]. В других своих произведениях – «Путь шайеннов» (написана совместно с антропологом Э. А. Хобелем) [11] и «Нормативная, правовая и законотворческая деятельность: проблема юридического метода» [10] – Ллевеллин развивал идею о том, что право должно изучаться через его социальные функции («law-jobs») – разрешение споров, упорядочивание поведения, адаптацию к изменениям. Источники права, с этой точки зрения, включают не только законы и прецеденты, но и обычаи, практики, ожидания общества.

В «Пути шайеннов» Ллевеллин исследует правовую систему племени шайеннов (Cheyenne), чтобы показать, как право функционирует в обществе, не имеющем письменности. Этот анализ позволяет ему переосмыслить саму природу источников права, выходя за рамки классических западных представлений о законодательстве и прецедентах. Он приходит к выводу, что право – это живая практика, а не формальные тексты, повторяя и воспроизводя, по сути, известные трактовки Р. Иеринга, а затем и О. Холмса.

Ллевеллин и Хобель отвергают европоцентристский взгляд, согласно которому право существует только в виде законов или судебных решений. У шайеннов нет письменных кодексов, но есть эффективная система разрешения споров, основанная на обычаях и традициях (неписанные, но строго соблюдаемые нормы), решениях советов и вождей (аналог прецедентного права) и публичном одобрении/осуждении (социальный контроль как санкция).

Отсюда делалось заключение, что право шайеннов – это не свод правил, а процесс, в котором нормы выявляются через конкретные конфликты и их разрешение. Ллевеллин показывает, что у шайеннов право рождается из конкретных конфликтов, а не из абстрактных принципов. Например, если воин украл лошадь у соплеменника, совет разбирает не «кражу вообще», а конкретные обстоятельства: мотивы, последствия, статус участников. Решение становится прецедентом, но не в формальном смысле (как в английском или американском общем праве), а как пример для будущего поведения.

Обращая внимание на гибкость и ситуативность, Ллевеллин демонстрирует, что источники права у шайеннов не догматичны. Нормы могут меняться в зависимости от контекста

(например, в военное время правила строже). Важную роль играет медиация – старейшины не просто «применяют право», а ищут решения, восстанавливающие гармонию в племени.

Ллевеллин проводит параллели между правом шайеннов и англо-американской системой общего права, показывая, что в обоих случаях право развивается через разрешение споров (а не через законодательные акты). Однако у шайеннов нет жесткого разделения на «право» и «мораль» – социальные нормы и правовые слиты воедино.

Ллевеллин демонстрирует, что право может существовать без государства и формализованных институтов. Он подчеркивает роль неписанных практик как источников права. Однако при этом некоторые антропологи оспаривали точность описания системы шайеннов. По существу, Ллевеллин расширяет понятие источников права, включая в него обычаи и традиции, ситуативные решения советов, социальные санкции. Этот подход предвосхитил последующее разработки в социологии права и антропологии права, показав, что право – это не только тексты, но и живые практики общества.

В другой своей работе «Традиция общего права: рассмотрение апелляций» [9] Ллевеллин различает прецедентное право и «стили» судебного толкования. Он, в частности, анализировал, как судьи работают с прецедентами, выделяя два подхода: «формальный стиль» (строгое следование букве закона) и так называемый «грандиозный стиль», или «гранд-стиль», (гибкое толкование с учетом целей права и изменяющихся условий). Предпочтение им отдавалось второму, считая его более адекватным для динамичного общества.

Ллевеллин подчеркивал, что правовые нормы часто неоднозначны, и их применение зависит от интерпретации. Это делает проблему источников права еще сложнее – формальные тексты (законы, договоры) не всегда определяют исход дела.

Ллевеллин предлагает прагматичный взгляд на источники права, где ключевую роль играют не тексты, а практики их применения, что остается актуальным в современных дискуссиях о природе права.

Другим вариантом концептуализации источников права в современной англо-американской правовой доктрине является кон-

цепция Дж. Раза, который на первый план выдвигает идею о понимании права только в связи с источниками. Дж. Раз – один из ведущих представителей правового неопозитивизма, чья концепция источников права (sources of law) основана на строгом разделении права и морали, а также на идее социальных источников как критерия легальности норм.

В основе его представлений о праве лежит идея социальных источников такового (Sources Thesis). Дж. Раз утверждает, что право существует только тогда, когда оно имеет социально признанный источник. Это означает, что право создается конкретными действиями (законотворчество, судебные решения, обычаи), а не выводится из моральных принципов. Источник права – это факт социальной практики, а не абстрактная справедливость.

Он, в частности, писал: «Право есть система норм, идентифицируемых по их социальным источникам, без необходимости обращения к моральным аргументам» [17].

Этот подход восходит к позитивистскому пониманию права, особенно XX в., но Дж. Раз уточняет его, вводя понятие нормативных систем. Критерий легальности для него «тест на источник». Он предлагает формальный критерий для определения, что является правом. Так, норма считается частью правовой системы, если она принята законодательным органом, установлена судебным решением, признана в качестве обычая. Моральное содержание не влияет на ее легальность (в отличие от естественно-правового подхода).

В отличие от Р. Дворкина, который считал, что право включает моральные принципы [4], Дж. Раз настаивает, что «право может быть аморальным, но оставаться правом» [15, р. 12]. Это ключевой пункт его полемики с интерпретативным подходом Дворкина и естественно-правовыми теориями.

Право толкуется Дж. Разом также как авторитетно-властная практика. В «Практическая причина и нормы» Раз развивает идею, что право – это замещающие (preemptive) нормы, которые заменяют индивидуальные моральные суждения. Источники права важны, потому что они придают нормам публичный и обязательный характер [16].

Дворкин обвинял Раза в излишнем формализме, игнорирующем роль морали в право-

применении. Его теория источников повлияла на современные дебаты о природе права (напр., у С. Шапиро [18] или А. Мармора [12; 13]).

Дж. Раз концептуализирует источники права как формально-социальные факты, отделяя право от морали. Его подход помогает анализировать, как нормы становятся частью правовой системы, но оставляет открытым вопрос о легитимности несправедливых законов. Концепция Раза – это методологический инструмент для анализа права, но ее ограниченность в объяснении «серых зон» (морально-правовых коллизий) показывает, что проблема источников требует дополнения другими подходами (интерпретативизмом, социологией права).

В одной из своих основных работ Дж. Раз (1985) обобщает дискуссии об основных направлениях анализа взаимоотношений права и морали в виде трех лапидарных тезисов, которые призваны обозначить всю исследовательскую программу так называемого эксклюзивного юридического позитивизма, ставшего визитной карточкой взглядов этого правоведа.

Во-первых, по его убеждению, должен быть выделен в качестве ключевого *тезис об источниках*, означающий, что «всё право основано на источниках» [14, р. 295]. Это своего рода ограничительный тезис, означающий, понимание права концептуально предполагает идею источников и именно через нее осуществляется и теоретическая, и практическая идентификация права как такового. Далее следует объединительный тезис, или инкорпоративный, смысл которого фиксируется формулой, что «всё право либо основано на источниках, либо вытекают из права, основанного на источниках» [14, р. 295]. И наконец, третий заключительный тезис именуется *тезис согласованности*: «право состоит из права, основанного на источниках, вместе основным на источниках правом, имеющим с моральной точки зрения самое благозвучное моральное оправдание» [14, р. 295].

«Право, с точки зрения Раза, считается основанным на источниках, если о его существовании и содержании можно судить лишь по социальным фактам, не прибегая к каким-либо оценочным аргументам. Все три тезиса отводят праву, основанному на источниках, особую роль в идентификации права. Но в то время, как тезис об ограниченности источников утверждает, что в праве нет ничего, кроме

права, основанного на источниках, два других допускают, что право может быть обогащено видами права, не основанными на источниках, различными способами. Действительно, тезис о согласованности настаивает на том, что каждая правовая система обязательно включает такие виды права» [14, р. 296].

Основная цель размышлений Дж. Раза – проанализировать тезисы двух своих основных оппонентов Дворкина и Харта. Первый придерживается тезиса о согласованности права, подчеркивая тем самым устойчивую и обязательную связь права и морали, а второй считает убедительным объединительный тезис. Разу более обоснованным представляется проследование связи права с властью и авторитетом. Именно в этом ключе он видит возможность ответа на вопрос о том, что такое право. Отсюда и основная задача его концепции – защитить тезис об источниках от некоторых распространенных недоразумений и привести причины, по которым он предпочтительнее двух других тезисов. В основе аргументов Раза, как уверяет автор, лежит природа власти. Связь между правом и властью используется для критики поддержки позиций Дворкина и Харта [14, р. 296–297].

Дж. Раз полагает, что ключ к проблеме надлежащего понимания права лежит в правильном объяснении природы власти. Это, по его мнению, позволяет лучше объяснить право в традиции, которая в английской историографии восходит, как минимум, к взглядам Т. Гоббса [1]. Мысль Гоббса позже повторил английский юрист первой половины XIX в. Дж. Остин, который под влиянием успехов и результатов работы у французских юристов, предложивших Европе впервые аналитический подход к традиционному комментированию и обобщению законодательства, подчеркнул, что для английской юриспруденции идея понимания права как приказа суверена, как властно-распорядительного акта является вполне естественной и понятной [6].

У Раза читается всё та же тема, а именно попытка объяснить новыми средствами выразительности и новыми аргументами старую мысль о праве как акте власти. И в отличие от своих предшественников, Раз сосредоточился на выяснении природы власти. Свою концепцию власти он попытался изложить в трех тезисах.

Первый тезис – о зависимости, или подчиненности, который означает, что все властные директивы должны основываться, среди прочих факторов, на причинах, которые применимы к субъектам этих директив и которые имеют отношение к обстоятельствам, охватываемым директивами. Власть не может действовать произвольно – ее решения должны опираться на рациональные причины, уже существующие в ситуации. Государство запрещает превышать скорость не просто так, а потому, что это снижает аварийность (зависимая причина – безопасность граждан). Если бы власти игнорировали такие причины, их директивы были бы нелегитимными. Эти причины называются «зависимыми» (*dependent reasons*), потому что власть зависит от них при принятии решений. С одной стороны, Раз говорит о том, что властные распоряжения не должны быть произвольными, т. е. они как бы невозможны в условиях современного государства, однако, с другой стороны, он совершенно оставляет без внимания вопрос о том, каковы же могут быть четкие критерии определения такого рода зависимых причин;

Второй тезис – нормального, или стандартного, обоснования, проявляющийся в том, что обычный и основной способ установить, что следует признать за каким-либо лицом власть над другим лицом, заключается в том, чтобы показать, что предполагаемый субъект, вероятно, будет лучше руководствоваться относящимися к нему причинами (отличными от предполагаемых властных указаний), если он примет указания предполагаемого органа как имеющие обязательную силу и попытается им следовать, чем если бы он пытался следовать причинам, которые относятся непосредственно к нему. Суть тезиса нормального, или стандартного, обоснования можно выразить следующим образом: власть человека или института над другими оправдана только в том случае, если подчинение этой власти помогает людям лучше следовать тем рациональным причинам (*reasons*), которые уже существуют в их жизни, чем если бы они действовали самостоятельно. Иными словами, авторитет легитимен, когда он служит инструментом для более эффективного достижения людьми их собственных целей. Инструментальная природа власти в соответствии с этим тезисом предполагает, что власть

не обладает ценностью сама по себе – она оправдана лишь как средство, помогающее людям реализовывать свои интересы.

Зависимость от существующих причин предполагает в контексте этого тезиса, что власть, согласно Разу, должна основываться на тех рациональных основаниях для действия (причинах), которые уже существуют у индивидов. Власть не создает новые причины, а помогает людям эффективнее следовать уже имеющимся. Так, налоговые законы опираются на общую заинтересованность в финансировании общественных благ.

Тезис нормального, или стандартного, обоснования предполагает сравнительный анализ эффективности, т. е. сопоставления двух сценариев: жизни с авторитетной властью и без нее. Власть признается легитимной, если первый вариант приводит к лучшим результатам с точки зрения реализации людьми их интересов. Это хорошо иллюстрирует пример с судебной системой: централизованное правосудие эффективнее самосуда в защите прав граждан.

Однако тезис нормального, или стандартного, обоснования не лишен критических аспектов. Во-первых, возникает проблема ошибочных директив – что делать, если власть принимает некомпетентные решения? Во-вторых, некоторые философы (например, Дворкин) отмечают, что тезис игнорирует моральное измерение власти. В-третьих, остается открытым вопрос, кто и как должен оценивать, какой вариант действительно «лучше».

Таким образом, тезис нормального, или стандартного, обоснования Раза представляет собой попытку найти баланс между необходимостью власти и индивидуальной свободой. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих подчинение как долг или вынужденную меру, Дж. Раз предлагает прагматичный критерий: власть оправдана ровно настолько, насколько она помогает людям жить лучше, чем в условиях анархии. Этот подход сохраняет актуальность в современных дискуссиях о природе политического авторитета и границах государственного вмешательства;

Третий тезис – о вытеснении, или замещении, предполагает следующее утверждение: тот факт, что орган власти требует выполнения какого-либо действия, является причиной для его выполнения, которая не должна добавлять-

ся ко всем другим соответствующим причинам при оценке того, что следует делать, но должна заменить некоторые из них [14, р. 299]. В своей служебной концепции авторитета Дж. Раз предлагает революционный взгляд на природу власти через тезис о вытеснении. Этот тезис не просто описывает функционирование власти, но раскрывает механизм глубинной трансформации нормативного сознания, когда авторитетные директивы не просто добавляются к индивидуальным соображениям, а кардинально меняют саму структуру практического мышления.

Философские основания тезиса уходят корнями в классические проблемы философии права. Отталкиваясь от гоббсовской проблемы координации (необходимость единого авторитета для предотвращения «войны всех против всех») и юмовской теории практического разума (различение между причинами-для-действия и причинами-для-решения), Дж. Раз развивает идею, что подлинный авторитет должен не просто предлагать дополнительные аргументы, а реконструировать нормативное пространство. В этом смысле его подход перекликается с витгенштейновским пониманием языковых игр (нормативные системы как особые формы жизни), где правовые нормы выступают особыми формами жизни, задающими новые правила мышления и действия.

Дж. Раз радикализирует упомянутые традиции, утверждая, что властные директивы не просто добавляются к индивидуальным соображениям, но реконструируют само нормативное пространство.

Логическая структура тезиса раскрывается на трех взаимосвязанных уровнях. На онтологическом уровне властные предписания создают новые нормативные факты – они не отражают существующие причины, а формируют обязанности. Эпистемологический уровень предполагает рациональное самоограничение: признание авторитета означает сознательный отказ от полной переоценки всех аргументов, что является не когнитивной слабостью, а мудрой стратегией в условиях сложного общества. Практический же уровень обеспечивает нормативную определенность и эффективную социальную координацию.

Теоретико-игровая интерпретация, которую предлагает Раз, позволяет увидеть, как тезис

решает фундаментальные социальные дилеммы. В ситуации дилеммы властные директивы создают устойчивые точки координации. При решении проблем коллективного действия вытеснение частных расчетов преодолевает логику игнорирующего право через установление общеобязательных стандартов поведения.

В ответ на моральную критику Дворкина, утверждавшего, что тезис оправдывает слепое подчинение, Дж. Раз подчеркивает, что вытеснение касается только зависимых причин и сохраняет возможность морального пересмотра.

Прикладное значение тезиса проявляется в объяснении природы правовой силы прецедента, механизма действия иерархии нормативных актов и феномена «послушания без согласия» в сложных организациях. В отличие от традиционных концепций, рассматривающих власть либо как инструмент принуждения, либо как источник легитимации, Дж. Раз показывает, что подлинная власть трансформирует саму структуру практического мышления, создавая новые формы нормативной реальности.

Таким образом, тезис о вытеснении представляет собой не просто элемент теории власти у Раза, но философский вариант понимания природы нормативности. Он предлагает оригинальное решение проблемы сочетания индивидуальной автономии и социальной власти, показывая, что подлинная власть – это не внешнее принуждение, а внутренняя трансформация способов нашего мышления и действия.

В итоге Раз именуется свою систему взглядов, опирающуюся на первые два тезиса, – концепцией служения власти. Первые два тезиса, как пишет Раз, «рассматривают власть как *посредника* между людьми и правильными доводами, которые к ним применимы, так что власть судит и объявляет, что они должны делать в соответствии с правильными доводами» [14, р. 299].

Раз пишет: «Люди, со своей стороны, берут пример с власти, чьи заявления заменяют для них силу зависимых причин. Это последнее следствие концепции служения четко сформулировано в тезисе о замещении. Посредническая роль власти не может быть выполнена, если ее субъекты руководствуются в своих действиях не ее указаниями, а причинами, от которых они, как им представляется, зависят. Здесь не подразумевается слепое подчинение

власти. Признание власти должно быть обоснованным, и обычно это означает выполнение условий, изложенных в обосновывающих властные действия положениях. Это приводит к появлению зависимых причин, поскольку только в том случае, если соответствие власти этим причинам, вероятно, будет лучше, чем у его подданных, ее притязания на легитимность оправданы. На уровне общего обоснования важную роль играют предварительные причины. Но как только этот уровень пройден, и мы начинаем заниматься конкретными действиями, зависимые причины заменяются властными указаниями. Считать обе причины независимыми – значит вести двойной учет» [14, р. 299].

Три, положенных в основу размышлений Раза конкурирующих тезиса – о согласованности, инкорпорации и источниках, – придают, согласно замыслу автора, особое значение *праву, основанному на источниках*. Основные черты права вытекают из его природы как властного веления, но основанного на определенном понимании характера и природы власти, а именно власти как услуги, как служения обществу.

Список использованных источников

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
2. Горбань В. С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25, № 1. С. 107–127.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности; [пер. с фр. В. А. Туманова]. М.: Междунар. отношения, 1998. 398 с.
4. Дворкин Р. О правах всерьез; [пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой]. Москва: ОССПЭН, 2004. 389 с.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов, или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д.; пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступ. ст. [«Дух законов»] М. М. Ковалевского. Санкт-Петербург: Л. Ф. Пантелеев, 1900. 706 с.
6. Austin J. The province of jurisprudence determined. London: Murray, 1832. 391 p.
7. Guastini R. Fragments of a Theory of Legal Sources // Ratio Juris. 1996. No. 9. P. 364–386.
8. Llewellyn K. The Bramble Bush: The Classic Lectures on the Law and Law School. Oxford University Press, 2008. 191 p.
9. Llewellyn K. N. The Common Law Tradition: Deciding Appeals by Karl N. Llewellyn. Boston: Little, Brown & Co, 1960. 565 p.

10. *Llewellyn K. N.* The Normative, the Legal, and the Law-Jobs: The Problem of Juristic Method // *The Yale Law Journal*. 1940. Vol. 49. No. 8. P. 1355–400.

11. *Llewellyn K. N., Hoebel E. A.* The Cheyenne way: conflict and case law in primitive jurisprudence / by K. N. Llewellyn and E. Adamson. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1953. 360 p.

12. *Marmor A.* Philosophy of law. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2011. 172 p.

13. *Marmor A.* Foundations of institutional reality. New York, NY: Oxford University Press, 2023. 160 p.

14. *Raz J.* Authority, law and morality // *The Monist*. 1985. Vol. 68. No. 3. P. 295–324.

15. *Raz J.* Ethics in the public domain: essays in the morality of law and politics. Oxford [u.a.]: Clarendon Pr., 1994. 364 p.

16. *Raz J.* Practical reason and norms. London: Hutchinson, 1975. 192 p.

17. *Raz J.* The authority of law: essays on law and morality. Oxford: Clarendon, 1979. 292 p.

18. *Shapiro S.* Legality. London: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011. 472 p.

References

1. *Hobbes T.* Leviathan. Moscow: Mysl, 2001. 478 p. [in Russ.].

2. *Gorban V. S.* The role of historiography in the philosophy of law and the formation of the conceptual language of modern legal theory. *Antinomies*. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 107–127 [in Russ.].

3. *David R.* Basic legal systems of modernity; [translated from the French by V. A. Tumanov]. Moscow: International Relations, 1998. 398 p. [in Russ.].

4. *Dworkin R.* About rights in earnest; [translated from English by M. D. Lahuti, L. B. Makeeva]. Moscow: OSSPEN, 2004. 389 p. [in Russ.].

5. *Montesquieu S. L.* On the spirit of laws, or On the relations in which laws should be applied to the structure

of each government, to mores, climate, religion, trade, etc.; Translated from French under the editorship of A. G. Gornfeld, with the introduction of art. [“The Spirit of Laws”] by M. M. Kovalevsky. St. Petersburg: L. F. Panteleev, 1900. 706 p. [in Russ.].

6. *Austin J.* The province of jurisprudence determined. London: Murray, 1832. 391 p.

7. *Guastini R.* Fragments of a Theory of Legal Sources. *Ratio Juris*. 1996. No. 9. P. 364–386.

8. *Llewellyn K.* The Bramble Bush: The Classic Lectures on the Law and Law School. Oxford University Press, 2008. 191 p.

9. *Llewellyn K. N.* The Common Law Tradition: Deciding Appeals by Karl N. Llewellyn. Boston: Little, Brown & Co, 1960. 565 p.

10. *Llewellyn K. N.* The Normative, the Legal, and the Law-Jobs: The Problem of Juristic Method. *The Yale Law Journal*. 1940. Vol. 49. No. 8. P. 1355–400.

11. *Llewellyn K. N., Hoebel E. A.* The Cheyenne way: conflict and case law in primitive jurisprudence / by K. N. Llewellyn and E. Adamson. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1953. 360 p.

12. *Marmor A.* Philosophy of law. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2011. 172 p.

13. *Marmor A.* Foundations of institutional reality. New York, NY: Oxford University Press, 2023. 160 p.

14. *Raz J.* Authority, law and morality. *The Monist*. 1985. Vol. 68. No. 3. P. 295–324.

15. *Raz J.* Ethics in the public domain: essays in the morality of law and politics. Oxford [u.a.]: Clarendon Pr., 1994. 364 p.

16. *Raz J.* Practical reason and norms. London: Hutchinson, 1975. 192 p.

17. *Raz J.* The authority of law: essays on law and morality. Oxford: Clarendon, 1979. 292 p.

18. *Shapiro S.* Legality. London: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011. 472 p.

Поступила в редакцию 10.08.2025

Received August 10, 2025